

ОГ 1
Т78
37233

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. В.И. ЛЕНИНА

СБОРНИК

IV

ПУШКИН

ОСТРОВСКИЙ

ЗАПАДНИКИ

И

СЛАВЯНОФИЛЫ

СОЦЭКГИЗ · 1939

ПИСЬМА И. И. ПАНАЕВА К АКСАКОВЫМ

Иван Иванович Панаев — не крупная фигура литературно-журнального мира середины прошлого столетия. В нем самом не стоит искать ни оригинальности мысли, ни яркого таланта. Но это человек не без способностей. К тому же жизненные обстоятельства поставили его в круг людей, выдающихся по своей умственной одаренности, образованности, поэтическим дарованиям или общественному темпераменту. Он умел от них воспринять многое, пополнившее его скудное образование Благородного Дворянского пансиона. И для нашего времени он интересен не как исключение, а именно как рядовой выразитель мнений и вкусов своей среды. Из двух течений общественной мысли, борьбою которых ознаменованы 40-е годы XIX в., он выбрал западническое не потому, что глубоко продумал и прочувствовал его правоту и жизненность, а потому, что к нему, конечно, примыкало большинство его круга.

Публикуемые нами письма его к Аксаковым относятся к концу 30-х и началу 40-х годов — к той эпохе, когда разделения между этими группами еще не произошло, хотя разрыв был уже недалеко. Этого не ощущал Панаев, и оттого он обращается к Аксаковым как к друзьям и единомышленникам.

Знакомство их состоялось в 1839 г. О нем подробно рассказано в „Литературных воспоминаниях“ (часть II, гл. I и сл.) И. И. Панаева.

Е. Коншина.

I

[1839 г., Москва] *

При всем моем желании ехать завтра к Н. Ф. Павлову¹ верхом вместе с вами, при всем том, что сия поездка представляется мне в весьма поэтическом виде, — я ехать не могу. Причину я Вам завтра расскажу сам и с низким поклоном и глубоким извинением, возвращу Вам 32 р. 50 — долж[ные] мною Вам. — Теперь, я наслаждаюсь чтением прекрасной статьи Каткова о Русских песнях², вырванной из VI книж[ки] О[течественных] Э[писок]³ и присланной к нему, — а часов в 10-ть отправлюсь ужинать к Мельгунову⁴, который, говорят, через месяц, едит в чужие края.

До свидания

Ваш И. Панаев.

II

На обороте
Констант[ину] Сергеевичу Аксакову
Казань, Августа 6 1839 г.

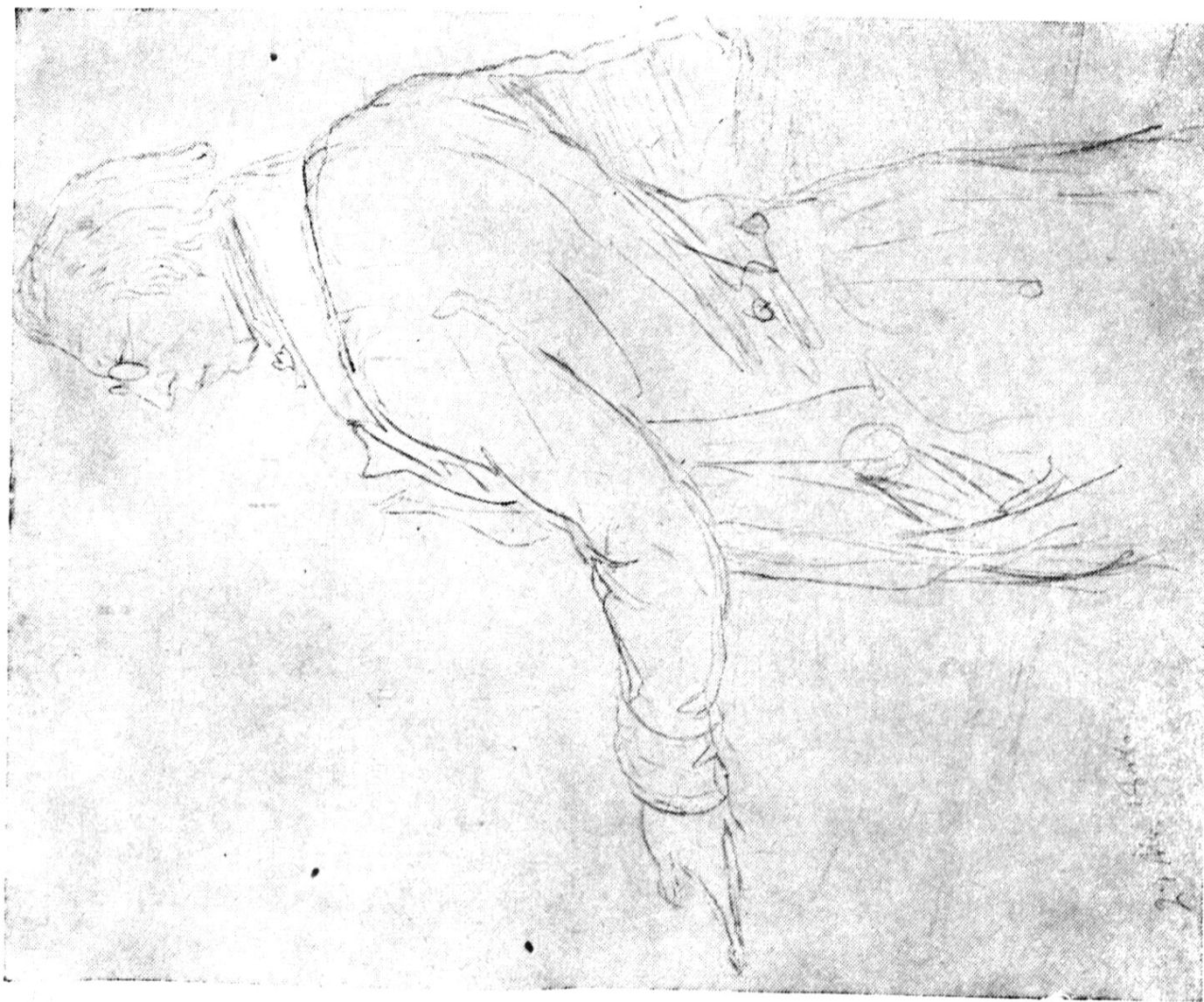
Здравствуйте, драгоценный мой Константин Сергеевич, вот уже более двух недель, как я в Казани¹ свирепствую в полном значении этого слова, т. е. больше ничем не занимаюсь, как описями движимого и недвижимого имущества. Сюда доехал я в 6 суток — и как нельзя покойнее в чудесном тарантасе М. С. Щепкина², за который ему мой поклон до земли. — Вообразите, что я нигде не имел задержек в лошадях от Владимира до Казани (до Владимира я ехал на вольных). Через 2 дня после моего приезда брошен был жребий — и на мою долю, между прочим, пало прекрасное имение на Волге до 200 д. село Богород-

* В квадратные скобки включены пояснения редакции, в круглых скобках — пояснения автора письма.

К. С. Аксаков.

Рис. худ. Мамонова.

И. С. Аксаков.

Рис. худ. Мамонова.

Я гадно уже погулял пышно тебе,
Пинарион, но не отворает на него
гоуло поре. Ты падаешь на Гус-
сиф, на пародность его, и мифу
филь, в пышно пловать, ты св-
мелее ир Гуссиль по пиницидиу
(по плову определено Буссоро
гем в'ка) в' окончении аб Соли. Оно
конечо, гратка шиль, но все м'ко
важно отобемед в' пурман о' п'ко.
во п'кано п'вае... Ты навривеши
в' г'т' п'в'т'емасонити, с' котора
ты в' со'т'оу раз' уфе, кофейн, гу-
милл'с'с'с'. ко г'р'с'т'ив'т'емасонит
(в'форме ты не п'р'с'м'с'с'с'с' в'о-
по слова) которо ты п'с'т'олонит
столанн раз', г'мелл' ты п'ом'ш'о то
судан; ты все с'м'ш'с'с'с'с'с'с'с'с'
го не в' твоу ст'орант. - Г'у'л'ан'с'
г'р'м'т' п'р'д'с'т'упе' п'ом'с'т'с' в' с'б'

намерении и опять ганде, а не
он, подобе уривен вонь р'в'с'т'с'
в' том на'ноу и карат'с'ар-уфе
сторант в' ст'орану на агуанс'
м'с'т'с'т'с'. Ты св'ла) - отворит
не п'ом'ш'о с'б'т'ивеане на п'с'с'с'с'
ил' п'ом'ш'о, ко на п'т'ва'и ас'т'р'с'с'с'
на в'с', с'т'ио ты п'р'с'с'с'с'с'с'с'
на п'кано п'ом'ш'о карат'с'ар-уфе -
мил. Г'у'л'ан'с'

Пинарионитион (Pinarion)

ское. Соделавшись помещиком сего села, — и посоветовавшись с моим будущим управляющим, я решился имение это оставить за собою, ибо оно будет приносить лёгенькие, но хорошенькие доходцы, как говорит один из сонаследников наших Майор Синельников³ с красным носом, с тараканьими усами в милиционном сюртуке с двумя монетами золотой и медной, торжественно развешенными по сюртуку на Владимирских лентах. — Движимость наша почти также разделена — и, о чудо! раздел был весьма мирный и точно полюбовный. К концу Сентября — я снова ваш, снова Москвичь. Хоть Казань город весьма красивый, и обращение в нем хорошее, хотя все дворяне здесь люди образованные, и левой ногой нос не сморкают, хотя здесь торцевые мостовые и высокие минареты и башня Сумбеки — героини Ив[ана] Ермолаевича⁴; хотя здешние дамы читают и вздыхают и очень мило рассуждают об Отечеств[енных] Запис[ках] и Литер[атурных] Приб[авлениях]⁵ и о Библиот[еке] для Чтения⁶, — но не смотря на все сие для меня

Сумбеки — дивный град,
Не много скучноват!

Что здесь хорошо, так это Волга! Какое раздолье для души. На днях вечером переезжая через нее и вышедши на берег, покуда впрягли в коляску лошадей моих, я пролежал с полчаса на берегу. Вечер был чудесный, солнце еще не село, вода тиха, как стекло, на противоположной стороне в селе Ключицах песни рыбаков — и по середине реки в челноке выдолбленном из небольшого дерева человек с удочкой. Целую-бы ночь просидел я на этом берегу. Право, славно! Но мой двоюродный брат недоволен будучи одним созерцанием природы вознамерился дорожную пыль оставить в Волге; разделся и кинулся в воду. Дно в этом месте, как бархат, из мелкого песку, и более полуверсты от берега не глубже пояса. Я последовал его примеру, — лег на песок и преисполненный блаженством, хотел «простерть мои объятия бегущей волне»⁷, — но — такая обида! ни зыби на воде; не смотря на таковое приключение, я все таки вспомнил вас и Гете⁸.

В антрактах раздела я читаю Ретшера⁹ или лучше перечитываю; все книги мои отправлены в деревню, а здесь со мной только Наблюдатель¹⁰. Статейка-то важнейшая, да-с, в ней много этого, как говорит Гектор³. Теперь она для меня совершенно ясна — и за Ретшера я готов хоть на поединок!

Уведомьте меня, ради Бога, — о вашем адресе и о адресе М. С. Щепкина, которого поделуйте за меня. — Достопочт[енному] Д. М. Щепкину¹¹, Саше³ и всему семейству Щепкиных мой поклон и жены моей¹²; тотчас по высылке мне адресов ваших я пришлю деньги вам и Михайлу Семеновичу, а у меня кроме адреса Белинских, нет ничего; я позабыл взять у вас. — Такова уж моя рассеянная натура!

Пишите ко мне поскорей и поподробнее, не ленитесь, любезный Константин Сергеевич. Весточка из Москвы и особенно от вас будет для меня непомерно-усладительна.

Библиотеку почтенного Дедушки мы разрубили на несколько частей, между прочим, и к счастью, мне досталось старое издание Сочинений Державина с его собственноручною подписью: «Любезному племяннику Александру Васильевичу Страхову* от Гавриила Державина» и Голиков с дополнениями. 19 томов. —

Верно Надеждина¹³ вы видели уже, я получил от него и от Дмитрия Максимовича³ письмо от 24 июня. Засвидетельствуйте мое и жены моей почтение Ольге Семеновне¹⁴, Вере Сергеевне¹⁵ и всем вашим. Где Сергей Тимофеевич¹⁶ — Пишите ко мне, пишите и пишите. Вашего письма будет с нетерпением ожидать

И. Панаев.

* Моему дедушке Державин был дядя, — как же он мне приходится? [Примечание И. И. Панаева].

Приписки на полях стр. 4: Я теперь в Казани для совершения акта, а жена моя с теткой в деревне. Адрес мой Казанс[кая] Губерн[ия] в город Лаишев.

стр. 3: Кланяйтесь Н. Ф. Павлову, Кар[олине] Карл[овне]¹⁷ и всем кто меня помнит.

III

не вслух

С. Петербург 8 Декаб [ря] 1839

Много кое о чем, Любезнейший Константин Сергеевич, надобно нам поговорить с Вами. Еслибы какая-нибудь благодетельная фея могла в сию-минуту перенести Вас в кабинет мой, — Боже мой! я б часа четыре говорил с Вами без умолку... Прежде всего — это письмо между нами, ибо я высказать хочу вам разные такие вещи, кои я очень не многим могу высказать. Вы знаете, что я человек галантерейного обращения, повидимому никогда ни чем не возмущающийся, со всем соглашающийся и редко входящий в споры. Я сознал, что такого рода объективность вещь очень полезная в сем мире. — И так прежде всего позвольте мне крепко на крепко пожать Вашу руку: вы Н[иколая] Ф[илипповича]¹, — как повествователя разнюхали гораздо прежде меня и никогда не забуду я ваших разговоров о нем у вас в саду... В первых двух повестях его в Именинах² и в Ятагане² было много одушевления и жизни... Это были задушевные, субъективные произведения Автора — и это одушевление и жизнь совершенно случайные, сбили меня с толку, — в двух последних повестях Н[иколай] Ф[илиппович], (которого впрочем я очень уважаю и люблю, как человека) обнаружил себя вполне — и решительно заставил говорить о себе не в свою пользу. Демон² — по натянутости содержания должен был и высказаться наинатянутейшим образом, обнаружив при этом самый неприятный взгляд Автора на жизнь... Миллион², но об этой повести или говорить много, или не сказать ничего, за недостатком места я не скажу вам ничего, замечу только вскользь, что она произвела на меня самое неприятное впечатление. Вся эта повесть состоит из мыльных пузырей, которые надуваются, надуваются — и ту же минуту лопаются. Содержание этой повести, по моему мнению, фарс и фарс оскорбительной... Но довольно. Мне, хотя и третьестепенному повествователю, не следовало бы так искренно высказывать свое мнение о первостатейных, — но ведь я это говорю с вами, а вы, верно, не подумаете, что зависть и неудовлетворенное самолюбие заставляют меня говорить так. — Вообще успех повестей Н[иколая] Ф[илипповича] сомнителен и в массе. Отзывы людей и с смыслом и без смысла об них невыгодны. Впрочем некоторые аристократки ими восхищаются.*

Когда мы отправились³ вдаль из второй станции Черн[ой] Грязи в Подсолнечную, уже смеркалось, разговоры смолкли — и я прислонился к подушке в намерении вздремнуть, мне стало так грустно, так грустно, что я и пересказать Вам этого не могу. Отрываясь от Москвы, я будто отрывался от родного и близкого мне, будто ехал в незнакомый город. — Странное и неприятное впечатление произвел на меня Пбург, — опять эти вечные лица Невского Проспекта, которые к счастью уже начинали изглаживаться из моей памяти — и мне так захотелось в Москву, что если бы не обстоятельства — сей час бы вон из благочинного и чиновного города, в котором только те и люди, что имеют чин Дейет[вительного] Ст[атского] Сов[етника], Тайных и Генерал-Маиоров и т. д.

Дик показался мне Пбург, так дик, что я и не ожидал этого... Свиньи в апельсинах знают более, нежели здешние господа Чиновники в Искусстве... О сем вам засвидетельствует Сергей Тимофеевич. —

* Статья в О[течественных] З[аписках] — между нами нелепа и возмутительна. [Примечание И. И. Панаева].

Титир Иванович⁴ [Дядинька] говорит такие прелести, что и пересказать не возможно. Между прочим изъясляет свое удивление, как Сергей Тимофеевич не обратит внимание на то, что вы губите себя занимаясь Немецкой Философией, а то что вы занимаетесь таким непотребством он заметил из статьи Вашей о Грамматике Белинского⁵, которую он прочел!! —

Белинский здесь в сильном ходу. Краевский⁶ от него в восторге, Кн. Одоев[ский]⁷ за ним ухаживает... Я вожу его всем показывать — и беру со всех за это по полтиннику, чем и хочу составить себе состояние. — В 12 кн[иге] его статьи о Ф. Н. Глинки⁸ — прелесть! Уведомьте, какое она произведет впечатление на Вас. — Да пишите к нам чаще, подуйте на нас Москвой, а то мы со всем здесь сделаемся Действительными Статскими Советниками.

Гоголя хотя и редко, но я видал. Один раз мы в троим (я, Белинский и он) обедали у Князя⁹. — Князь со всем из ума выживает и пишет такую гадость, что читать тошно (Зри Альм[анак] Вл[адислава] на 1840 г. и О[течественные] З[аписки] 10 №)¹⁰. — Низко поклонитесь от меня Москве, и поровну ее любезнейшим людям: Н. Ф. Павлову с супругой (к нему я с первой почтой буду писать, да не сердится он на меня) Верстовскому¹¹; М. Н. Загоскину¹²*, которого ласки и расположения ко мне я всегда буду ценить; Ф. Н. Глинке¹⁴, А[вдотье] П[авловне]¹⁵, — Ивану Ермолаевичу (о подвигах которого все знают) Достолюбезнейший из людей... Щепкиным отцу и сыну (последнему книжку вышлю на днях).

Краевский убедительно просит меня, чтобы вы прислали в О[течественные] З[аписки] песнь радости из Шиллера¹⁶ и другие пьесы, а я вам тоже о сем низко кланяюсь. — Засвидетельствуйте мое и жены моей глубокое почтение Ольге Семеновне — и напомните ей о существовании людей, которые в ее доме проводили приятнейшие минуты. Всем Вашим поклон. — Ради бога, чуть было не забыл, пришлите мне о Ноздренном дыхании Господа нашего И[исуса] Х[риста]¹⁷. Белинский сказал, что эта книга у Вас и Князь Од[оевский] теперь с ума сходит и умоляет меня просить Вас о присылке ему этой книги.

Вас обнимает Ваш И. Панаев. —

IV

СПбург 2 Марта 1840

Препровождаю вам при этом письме моего задушевного приятеля и товарища Михаила Александровича Языкова¹, о котором я уже, верно, не раз говорил Вам. — Он человек Московский в нашем значении слова. У него душа глубокая, любящая и поэтическая. Если бы вы взглянули на лице его в ту минуту, когда он читает Илиаду или Евангелие, — вы лучше бы всех описаний, узнали, что это за человек. — Непосредственность его достолюбезна до высшей степени: все народное к нему так и липнет: если бы вы послушали, как он разговаривает с извощиками, вы покатались-бы со смеху. Воспроизводить их язык лучше невозможно, к тому же он облакает все это в такие комические формы! Он чудак — и с новым для него человеком бывает непомерно дик, но, нет сомнения: он полюбит Вас и вы расшевелите его. — В прежние годы, он только и читал из русских журналов Наблюдатель, а теперь только и дышет О[течественными] З[аписками], ибо он бежит тотчас туда, где замечает хоть малейшее стремление к мысли. Без мысли он не может жить, как рыба, без воды... Гегель² его сильно тревожит, — но увы! он

* Досадно мне, что в О[течественных] З[аписках] напечатано об его романе с такою усмешкою... Уже я кричал и с редактором и с сочинителем статьи, — да с этими упрямыми и тупыми башками нечего делать. Я говорю тебе, что Панаев¹³ глуп как сивой мерин. [Примечание И. И. Панаева].

не знает русского языка — а силы воли нет, чтобы присесть да поучиться. Явление утешительное! смотря на Языкова я думаю: не один же я так ленив и бесхарактерен! — В Петербурге нам без Языкова было-бы тошно и грустно... Я, он и Белинский видимся почти ежедневно. — (Кстати, Белинский говорит, что вы его совсем забыли — и ни словечка). — Языков расскажет вам о нашем житье-бытье. Он познакомился у меня с братом вашим Иваном Сергеевичем³, который был так добр и мил, что раза три был у меня на масленице и один раз провел целый вечер. — Да, это юноша чудный, я в эти три свидания мои с ним уже увидел, что он будет такой-же негодный и бездельный человек, как вы, и что практическая жизнь — не его сфера. Читая «сочинения Господина Полевого»⁴ и живя в поганом Пбурге, я начал было совсем убеждаться, что в нашем индустриальном веке людей с божими искрами в душе не может быть и что оные нарождаться впредь не могут*. Иван Сергеевич поколебал мое убеждение. Он принес мне «Песнь радости» Шиллера — перевод ваш, который я уже отдал Краевскому, прося его обождать печатание до тех пор покуда вы пришлете мне поправки, ибо в этом переводе вы кажется хотели что-то исправить. Пришлите же, если найдете нужные поправки, а не то мы напечатаем так. Надо с вами действовать насильственно. Краевский рад чрезвычайно тому, что вы изъявляете согласие ваше на участие в О[течественных] З[аписках]: он, — это я вам скажу кладя руку на сердце, без комплиментов, дорожит вашим сотрудничеством — и всякую статью вашу будет помещать с величайшим удовольствием. Пишите, пишите и переводите Константин Сергеевич, да будут для вас О[течественные] З[аписки] тем же, чем был некогда Наблюдатель! Экземпляр О[течественных] З[аписок] высылается на ваше имя к Ширяеву⁵. Получаете-ли вы; уведомяте? Если паче чаяния нет, справьтесь у Ширяева и уведомяте меня.

Как мне грустно в Пбурге, вы себе представить не можете. Только побывав в Москве, я уразумел великую, неизмеримую разницу между этими двумя городами. — Суждение офицеров, Статских и Д[ействительных] Ст[атских] Сов[етников] о литературе здесь возмутительны. — Гречь⁶, Булгарин⁷ и Полевой — это три литерат[урных] кумира, коим Пбург поклоняется. От Греча пошлых и гнусных лекций все Директора Департаментов в восторге, о Нач[альниках] Отд[елений] и Столонач[альниках] говорить не[че]го. На одной из лекций своих, Гречь сказал между прочим: «В наше время лже-критики и люди набирающиеся высокой германской чепухи, толкуют, что будто Искусство только должно служить самому себе, что оно само себе цель, а вне себя не имеет и не должно иметь цели. — Господи! Что это такое? — Что же после этого нравственность, гражданские добродетели?» (Аплодисменты Чиновников с Владимирями на шее и с знаками отличия беспорочной службы)... Удивляюсь я также, что у Сумарокова⁸ отнимают всякое достоинство. Как драматический писатель, он заслуживает наше внимание» ...Каково? — Генералы морские, сухопутные и другие, принадлежащие ко временам Сумарокова хотят Гречу воздвигнуть за сие монумент!! — Да и по делом! — Полевой — это подлая рожа, обтянутая стертою и изношенною лайкою (смотрите Литер[атурную] газету портрет № 2⁹: я тут вывел как съумел и Греча и Булгарина и Полевого... речи их не вымышлены) эта скотина Полевой Парашками¹⁰ и тому подобною Коцебятиной¹¹ приводит в восторг всю публику. — Говорят, и на Москов[ском] театре его вызвали три раза за Смерть и честь¹². Правда-ли это? Как Москве-то не стыдно позориться? Или это купчики-с пленились Мочаловым??¹³ —

В 4 № С[ына] О[течества] отдал-с Полевой-с: Н. Ф. Павлова, Лажечникова, Лермонтова и нас-с с вами-с. Хорошо, что попали в хорошую компанию¹⁴.

* Вас, других Московских и Языкова я начинал считать уродливыми явлениями, исключениями из общего правила. [Примечание И. И. Панаева].

Но полно об этой музыке. — Я теперь читаю в французском переводе Вильгельма Мейстера¹⁵, Гете — и таю и блаженствую. Миньона¹⁶ такое же бесконечно-грациозное, такое же великое создание, как Юлия¹⁷ Шекспира, а я уже думал, что под-пару к ней ничего нет во всех литературах мира. Очаровательная, дивная Миньона! Она так и преследует меня всюду... Одно только странно поражает меня, что иногда в его Мейстере есть целые страницы размышлений, которые, отдельно взятые, превосходны, но как-то не приклеиваются к целому и явно вставлены в роман (?), потому-что Гете в эту минуту хотелось поговорить о том и о другом. — Не недостаток-ли это неизбежный для всех Германских поэтов, которые не могут обойтись без рефлексии?.. Не оттого-ли ни одно Германское произведение (Шиллера и Гете, которые я прочел) не производили на меня целостного впечатления, такого, как напр[имер] драма Шекспира? (Напишите мне, как вы об этом думаете. Не вру-ли я?) Отсутствие рефлексии в художественном произведении придает ему мне кажется, необычайную мощь и силу, — посмотрите на Пушкина и Гоголя... Ведь искусство есть непосредственное представление истины? так-ли? Идея предстает перед творцом в образах и никогда не представляется ему сначала в виде отвлеченном. Отсюда бессознательность творчества. — Читая Шекспира, так и чувствуешь глубину и истинность этих слов, но Гете всегда приводит меня в смущение. Мне все кажется, что он сначала задает себе развитие такой-то темы, да уж для этой темы и создает потом образы. Но его Миньона — это вдохновенное, гениальное создание, и верно непосредственно явившееся ему в самую светлую, в самую святую минуту творчества; — но эти милые лица, этот мир артистов, которыми окружен Вильгельм, — все это чудо, прелесть! — Кажется гигантская творческая сила, мощный гений Гете подавляет в его Мейстере эту скучную рефлексию. Дайте мне прочесть все... я жажду окончания — и передам вам мое впечатление тотчас... Как бледна Фенелла Вальтер-Скотта в его Певериле¹⁸ перед этой Миньоной! — Очертите мне ваши мысли о Ломоносове¹⁹: это очень любопытно. Вы меня заставили задуматься намеком о нем в последнем письме вашем. Подлец Полевой в 4 книжке апатического журнала своего в Смеси объявляет будто Гоголя сочинения будут печатать вновь, с прибавлением его новой комедии, которая не будет на сцене²⁰. Что это значит! Видно это еще старая песня? Краевский хочет возразить в Л[итературной] Г[азете], что это вздор. — Что Гоголь? Напишите, как он поживает, пишет-ли... Ведь он в Петерб[урге] говорил, что примется писать в Москве. Все, что касается до него, нам интересно более нежели какаянибудь Европей[ская] литература, не говорю уже о гнусной, подлой, презрительной русской литературе, не смотря на то, что мы живем в Петербурге. Сергей Тимофеевич (которому низко, низко поклонитесь от меня и пожмите ему крепко, крепко руку с просьбою не забывать обо мне) верно говорил вам, что в Чухонской столице Рассейского царства Основьяненку (!!!?)²¹ считают выше талантом Гоголя... Гнусный, отвратительный Петербург, я, может быть, проволоку здесь год, а там неутерплю и перееду на житье к Вам, выхлопав себе через дядю²² какую-нибудь должность в Москве. Ей богу, здесь жить нет никакой мочи. Кланяйтесь Н[иколаю] Ф[илипповичу] и помните обо мне К[аролине] Карл[овне], прекрасные стихи которой мы снова с радостью великою увидели во 2 книж[ке] О[течественных] З[аписок]²³. — Скажите Н[иколаю] Ф[илипповичу], чтобы он оставил свое высокое мнение о Петербургском Европеизме. Здесь Русская действительность является во всей своей возмутительности. Об этом я подробно буду иметь честь донести ему. — Счастливы вы, живущие в Москве, — о я бы полетел к вам с такою радостью...

Засвидетельствуйте мое и жены моей почтение Ольге Семеновне, Вере Сергеевне и всем вашим... Ах, чуть было не забыл вам сказать, что я уже отец семейства. У меня недавно родилась дочь...

Пишите, любезный, добрейший К[онстантин] С[ергеевич] и мне, и в О[течественные] З[аписки] — Да кстати, изложите ваше мнение о первых двух номерах.

Крепко обнимает Вас Ваш душой и сердцем

И. Панаев.

На полях:

Мой сердечный поклон всем кто меня помнит. Щепкиным крепко пожмите руку. И. Е. Великопол[ьский] здесь свирепствует со своими драмами ²⁴ и надоел всем ценсорам.

V

С. Петербург 19 мая 1840 г.

Любезнейший Константин Сергеевич, хотел отослать сие послание с братом Вашим¹, но не успел, ибо захлопотался по случаю переезда моего из старой квартиры на новую. — Теперь я живу один и чувствую себя гораздо легче и свободнее. — Что вы? От вас ни к кому ни весточки, ни привета. Или диссертация² сильно озабочивает вас? Напишите, что вы, как и прочее. Все это интересует Петербургских ваших приятелей. Приедете-ли к нам в Петербург и когда? — Я живу теперь у Пяти углов (близ Владимирской) против Комерческого У[чили]ща в доме Купчихи Пшеницыной. В сих-то странах будет ожидать вашего приезда нижеподписавшийся. Погода у нас отвратительная, дождь, ветер, холод, так, что на сердце скребёт. — То ли дело прошлое лето, когда мы с вами ходили по Кремлю, купались в тинистом озере, а на голове вашей была пастушеская шляпа? (Что жива ли сия соломенная шляпа? —) То ли дело, когда мы с вами ездили верхом в Кунцово³?

Да!

«Все мгновенно, все пройдет,
Что пройдет, то будет мило!»⁴

Знаете-ли вы о существовании литературного дома сумасшедших, то есть Маяка⁵. Вот эпиграмма на пресловутый Маяк, вдохновенно импровизированная Соболевским⁶:

Просвещения маяк
Издает большой дурак
По прозванию Корсак⁷;
Помогает дурачек
По прозванью Бурачек⁸.

К этому превосходному 5-стишию Языков⁹ прибавил следующее:

С ним трудится
По прозванию Зеленый¹⁰ *.

Покажите эту эпиграмму Сергею Тимофеевичу — и засвидетельствуйте ему мое искреннее и глубокое почтение. Также как от меня и от жены моей Ольге Семеновне и Вере Сергеевне и всем вашим.

Ивана Сергеевича я полюбил от всей души. Чудный юноша! — Приезжайте же скорее в Петербург к нетерпеливо ожидающему вас
Ив. Панаеву.

Всем кто меня в Москве еще не забыл, поклонитесь.

VI

11 Февр [аля] 1841 СПбург.

Прежде всего, почтеннейший Сергей Тимофеевич, низко кланяюсь вам и рекомендую первых артистов нашей оперы Петровых¹: жену и мужа,

* Известный математик, учитель в Морском Корпусе Бурачек и Зеленый издали Лекции Остроградского. [Примечание И. И. Панаева].

которые захотели побывать в Русском городе, наскучив нашей Чухландией. Примите их под свое покровительство, — вы может быть единственной человек в православном Русском царстве, живо интересующийся искусством и дающий у себя приют артистам всех родов и званий². Те не многие, для которых свято на земле все прекрасное, те уроды, которые посвящают себя интересам высшим, человеческим, безумная душа которых рвется выразиться или в камне или на полотне или в звуке, или в слове, — они бесприютные в нашем обществе, — у вас в вашем доме находят родственный прием, радушное, горячее угощение. Вот почему я адресую к вам Петровых, если нужно будет, вы не откажитесь за них попросить М. Н. Загоскина³.

Москвитянин⁴ — первый № хорош, но во многом нельзя согласиться с Шевыревым⁵. Мысль очень патриотическая, что Россия должна теперь поддерживать одряхлевшую Западную Европу, но верна-ли она?.. Ужь нашему ли чиновливому, крестолюбивому неустановившемуся, слабому обществу, поддерживать общество, кипящее жизнью и полное интересов? Ради бога, в чем проявляется дряхлость Западной Европы? Не потому ли все люди глубокие, талантливые, честь и слава России рвутся на Запад и только там отдыхают? И этому ли обществу, для которого Основьяненко с своими пошлостями выше Гоголя, для которого Пушкин был только приятным стихотворцем, — ему-ли поддерживать теперь кого-нибудь? Со временем... но «будущее в руке божией!»

Пожил бы г. Шевырев в С. Петербурге, — заговорил бы, может быть, другое, — а впрочем и то еще не верно. Стоит побывать только в трех, четырех наших аристократических солонках, где горит столько свечь и наставлено столько бронзы — и дело с концом: ослепнешь от блеска и одуреешь от курений, — чего доброго, Петербург покажется земным раем. Мы все ужасные либералы, только уж извините никак не можем устоять против Генерал-Адъютантской улыбки и Александро-Невского пожатия руки. Что делать? От Гоголевского городничего до первого министра, все мы Русские очень горды и очень падки на знаки отличия.

Дорого бы я дал, чтобы быть в сию минуту в Москве. Петербургские лица опротивели мне до нельзя: куда не взглянешь или подлый чиновник (хорошо еще, что многие из них поколели в нынешнюю зиму от морозов) или Господин офицер... и еще с претензиями о Литературе изволят рассуждать и об разной учености.

— В вистик бы с ними, как дельвали вы, — это самое лучшее, да, чорт возьми, в вист то не умею играть. — Пойду учиться к Тет[ушке] Праск[овье] Алексе[евне]!

Сюда на днях приехал Лермонтов⁶ в отпуск на 2 месяца. —

Что подельвает К[онстантин] С[ергеевич]? — Попросите его, чтобы он прислал нам в О[течественные] З[аписки] чего-нибудь, — а я распоряжусь о высылке ему экземпляра через контору О[течественных] З[аписок]. — Говорил мне И[ван] С[ергеевич] (он был у меня на днях), что вы не получили двух последних №№ за прошлый год. Отчего это? — Москвитянин кроме К. Полевого⁷ все книгопр[одавцы] получают отменно поздно — и я об этом писал М. П. Погодину, по просьбе книгопродавца Юнгмейстера⁸. Скажите М[ихайлу] П[етровичу], что это может повредить подписке.

Переводы в Москв[итянине] Каролины Карловны⁹ прелесть. Перед ее умением владеть стихом и языком, я преклоняюсь низко. Засвидетельствуйте ей мое наиглубочайшее почтение. Сологуб¹⁰ получил 2 № Москв[итянина] (я его еще не видал) и катается со смеху от статьи: Брат и Сестра¹¹.

Потрудитесь засвидет[ельствовать] также мой искренний поклон (а равно и жены моей) Ольге Семеновне, Вере Сергеевне и всем вашим.

Когда у вас вырвется минута свободная — черкните мне словечко и попросите о том же К[онстантина] С[ергеевича]. — От вас весточки

мне всегда необыкновенно приятны, так и повеет тем блаженным временем, когда я был у вас в Москве.

Теперь я дышу только одною фантазией: чужими краями. Дела мои надеюсь устроить скоро — и до тех пор если не отвезут на Волково¹², — то в Италию, в Италию! А там, бог даст, — по возвращении совсем переселюсь в Москву, наплевав на этот чухонский город, в котором имел я несчастье родиться — и где у меня только и есть драгоценного три могилы: отца, дедушки моего и няни. Но могилы — безответны, — а с живыми трупами тяжело жить.

Я повторяю с Пушкиным:

«Если жизнь тебя обманет
Не печалься, не сердись:
В день уныния смиришь:
День веселья верь настанет!»

Ожидаю этого дня — и прошу вас не забывать душой преданного вам

И. Панаева.

Примечания

I

Письмо датируется по упоминанию о статье Каткова, помещенной в «Отечественных записках» за 1839 г. (см. ниже).

1. Н. Ф. Павлов (1805—1894) — писатель, сын крестьянина, отпущенного на волю. Из его произведений особенный успех имели две ранние повести: «Ятаган» и «Именины», где он обрисовал ужасы бесправного состояния крепостного художника и нижних военных чинов, за что и был выслан не надолго из Москвы. Вернувшись в столицу, он продолжал свою литературную деятельность в качестве писателя и переводчика; наиболее известен его перевод комедии Шекспира «Венецианский купец». На рубеже 30-х и 40-х годов Павлов был близок к раннему кружку Белинского и печатался в тех же органах. В своих «Литературных воспоминаниях» Панаев довольно подробно останавливается на характеристике Н. Ф. Павлова (часть II, гл. II).

2. Статья Каткова о Русских песнях — критический разбор книги И. Сахарова «Песни русского народа», 5 ч. Спб., 1838—39, помещенный в «Отечественных записках», т. IV, отд. VI — Критика, стр. 1 и 25. Панаев ошибочно говорит о VI книге.

Катков Михаил Никифорович (1818—1887) в эти годы был близок с либеральными кругами.

3. «Отечественные записки» — журнал, основанный в 1818 г. П. Свиньиным. В первые два года вышли только два сборника, с 1820 г. он стал ежемесячным. В 1839 г. он перешел в руки А. А. Краевского, который привлек туда лучшие литературные силы.

4. Мельгунов Николай Александрович (ум. 1867 г.) — литератор, выступавший также под псевдонимом «Н. Ливенский» и «Н. Л-ский». В «Литературных воспоминаниях» Панаев упоминает о нем в ч. II, гл. I.

II

1. Летом 1839 г. Панаев ездил в Казань для участия в разделе наследства после его деда А. В. Страхова.

2. Щепкин Михаил Семенович (1788—1863) — известный драматический актер московского Малого театра.

3. Майор Синельников, Саша, Гектор и Дмитрий Максимович остались невыясненными.

4. Иван Ермолаевич — Великопольский (1793—1868), писатель, выступавший под псевдонимом «Ивельев». Кроме беллетристических произведений, он написал также ряд брошюр об обработке льна по новому, им изобретенному способу.

5. «Литературные прибавления» к «Русскому инвалиду» выходили с

1831 по 1839 г. До 1836 г. редактором их был А. Ф. Воейков; с 1837 г. во главе стал А. А. Краевский.

6. «Библиотека для чтения» — журнал, издававшийся О. И. Сенковским и А. Ф. Смирдиным по типу парижской «Bibliothèque Universelle» с 1834 по 1865 г.

7. «Простерть мои объятия бегущей волне» — перифраза перевода Тютчева стихотворения Гете «Перемена»:

«Лежу я в потоке на камнях... как рад я!
Идущей волне простираю объятия» и т. д.,

опубликованного в «Московском наблюдателе» за 1838 г., т. XVIII, стр. 55.

8. «Ни зыби на воде... вспомнил вас и Гете» — кроме приведенного отрывка из перевода Гете, Панаев мог вспомнить перевод К. Аксакова стихотворения Гете: «На озере», где также говорится о волнах:

«Качает наш челнок волна,
В лад с нею весла бьют»

(«Московский наблюдатель» за 1838 г., том XVI, стр. 92).

9. Ретшер — Генрих Теодор (1803—1871), немецкий теоретик эстетики и драматического искусства, гегельянец, очень популярный в России в 30-х годах прошлого века. В «Московском наблюдателе» за 1838 г. была помещена его статья «О философской критике художественного произведения», в переводе М. Н. Каткова (том XVII, май, кн. II, стр. 159; июнь, кн. I, стр. 304, кн. II, стр. 432).

10. Наблюдатель — «Московский наблюдатель», журнал, основанный Погодиным в 1835 г. Но только с вступлением Белинского в 1838 г. он оживился и стал выразителем раннего русского гегельянства. Он просуществовал до 1839 г.

11. Щепкин Дмитрий Михайлович (1817—1857) — старший сын известного актера, математик и филолог.

12. Жена — Авдотья Яковлевна Панаева, урожденная Брянская (1820—1893), дочь актера-трагика, во втором браке Головачева. В литературе выступала под псевдонимом «Н. Станицкий».

13. Надеждин — Николай Иванович (1804—1854), ученый, профессор московского университета по кафедре русской словесности, критик, выступавший в «Вестнике Европы» под псевдонимом «Экс-студент Никодим Надоумко» и в «Московском вестнике». В 1831 г. им был основан журнал «Телескоп», просуществовавший до 1836 г., когда он был закрыт за напечатание «Философического письма» П. Я. Чаадаева. После непродолжительной ссылки в Усть-Сысольск Надеждин вернулся в столицу разбитым физически и духовно, хотя и продолжал отчасти свою литературную деятельность. Он поступил на службу в министерство внутренних дел, был усердным чиновником, выступал рьяно против старообрядцев и писал верноподданнические статьи.

14. Ольга Семеновна — Аксакова, урожденная Заплата, мать К. С. Аксакова.

15. Вера Сергеевна — Аксакова, сестра Константина Сергеевича.

16. Сергей Тимофеевич — Аксаков (1791—1859), писатель, отец К. С. Аксакова.

17. Каролина Карловна — Павлова, урожденная Яниш (1810—1894), жена Н. Ф. Павлова, поэтесса.

III

1. Н. Ф. — Павлов, см. примечания 1 к письму I.

2. «Именины», «Ятаган», «Демон», «Миллион» — повести Н. Ф. Павлова. Две первые характеризованы выше, — см. примечание 1 к письму I. Что касается последних, то Панаев прав, считая их крайне слабыми.

3. Мы отправились — Панаев уезжал из Москвы вместе с Белинским, который переселялся в Петербург, приглашенный Краевским вести отдел критики в «Отечественных записках».

4. Титир Иванович — прозвище Вл. И. Панаева, писателя, дяди И. И. Панаева. Прозвище это пародирует его идилии, написанные в подражательном пастушеском стиле XVIII в. «Титир» — пастушеское имя, встречающееся у Вергилия.

5. Статья Ваша о Грамматике Белинского — статья К. С. Аксакова «О грамматике вообще. (По поводу грамматики г. Белинского)» была помещена в «Московском наблюдателе» за 1839 г.

6. Краевский — Андрей Александрович (1810—1887), литератор, был соредактором журнала «Современник», с 1837 г. редактором «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду», с 1839 г. — редактором «Отечественных записок».

7. Кн. Одоевский — Владимир Федорович (1803—1869), писатель и философ. О «литературно-великосветских» собраниях в его доме подробно рассказывает И. И. Панаев в своих «Литературных воспоминаниях» (часть I, гл. V).

8. Статья о Ф. Н. Глинке — статья Белинского «Очерки Бородинского сражения (воспоминания о 1812 г.) сочинение Ф. Глинки» опубликована в «Отечественных записках» за 1839 г., т. VII, стр. 1, критика.

9. У Князя — В. Ф. Одоевского.

10. «Гадость» В. Ф. Одоевского напечатана в «Отечественных записках» (№ 10) 1839 г., т. VI, повесть «Живописец» (из записок гробовщика) — в альманахе Владиславлева на 1840 г., «Утренняя заря» — фантастический рассказ «4338-й год».

Владиславлев — Владимир Андреевич (ум. в 1856), писатель и издатель альманаха «Утренняя заря» с 1839 по 1843 г.

11. Верстовский Алексей Николаевич (1799—1862), композитор.

12. М. Н. Загоскин (1789—1852) — писатель. В «Отечественных записках» за 1839 г. (т. VII, стр. 118) помещен нелестный отзыв о его повести «Тоска по родине», в котором отмечаются три ее стороны: 1) нападение на тех, кто все русское считает неудовлетворительным, по сравнению с заграничным, но подобные люди так ничтожны, что не стоит по этим воробьям стрелять из пушек, 2) любовь героя и героини, изображенная в «конфетно-приторных» тонах, впрочем, по вине изображаемой эпохи, а никак не автора, и 3) наконец — язык произведения, очень правильный, но без мертвенности, а, напротив, очень живой. Рецензия эта анонимна, но из примечания Панаева можно понять, что она принадлежала перу его дяди (см. выше примечание 2).

13. Панаев — Владимир Иванович (1792—1859).

14. Глинка — Федор Николаевич (1786—1880), писатель, один из участников «Союза благоденствия».

15. Авдотья Павловна — Глинка, урожденная Голенищева-Кутузова (1765—1863), повтесса, жена Ф. Н. Глинки.

16. «Песнь радости» из Шиллера — перевод К. С. Аксакова стихотворения Шиллера был прислан позже и напечатан в «Отечественных записках» за 1840 г., ч. IX, стр. 129, с подписью «К. А-в».

17. О Ноздренном дыхании господ нашего Иисуса Христа — подразумевается, вероятно, книга, распространенная среди старообрядцев, очень интересовавшая В. Ф. Одоевского: «Добротолюбие или словеса и главизны священного трезвения от писаний святых и богодухновенных отец. Перевод с еллино-греческого языка». Она «представляет собой сборник, составленный» из поучений различных церковных писателей. Глава 20-я поучений Каллиста Патриарха носит заглавие, распространенное Панаевым и на всю книгу: «О естественном через вдыхание ноздренное художестве и с ним господ нашего Иисуса Христа призывании». В письме Белинского к К. С. Аксакову от 10 января 1840 г. говорится, что Одоевский уже достал эту книгу, а в более позднее время он ее приобрел себе. Во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина среди книг В. Ф. Одоевского хранится принадлежавший ему экземпляр с собственноручною надписью.

IV

1. Языков — Михаил Александрович (1811—1885), впоследствии директор императорского стеклянного завода, основатель библиотеки в Новгороде. О нем много говорится в воспоминаниях И. И. Панаева.

2. Гегель — Георг-Фридрих-Вильгельм (1770—1831), философ.

3. Иван Сергеевич — Аксаков (1823—1886), в 1840 г. был еще в Училище правоведения.

4. Полевой — Николай Алексеевич (1796—1846), писатель, издатель «Московского Телеграфа», закрытие которого превратило его из противника авторитетов в квасного патриота.

5. Ширяев — А. С., книгопродавец.
6. Греч — Николай Иванович (1787—1867), журналист.
7. Булгарин — Фаддей Венедиктович (1789—1859), писатель и журналист. Оба они являлись представителями ярко реакционного направления.
8. Сумароков — Александр Петрович (1718—1777), писатель.
9. «Полевой — эта подлая рожа, обтянутая стертой и изношенной лайкой» — «Литературная газета, портрет № 2». В «Литературной газете» за 1840 г., № 12, от 2 февраля помещена статья Панаева «Портретная галерея. Портрет № 2».
- «Литературная газета» — была основана бар. А. А. Дельвигом, после его смерти редактором был О. И. Сомов. В 1840 г. она была в руках А. А. Краевского.
10. «Парашка» — пьеса Полевого «Параша Сибирячка».
11. «Коцебятина» — подражание мелодраматизму писателя Августа Коцебу.
12. «Смерть и честь» — ошибочно названо Панаевым вместо «Любовь и честь».
13. Мочалов — Павел Степанович (1800—1848), московский актер-трагик.
14. «Сын отечества» 1840 г., т. I, кн. IV — «Современная русская библиография». Среди заметок о книгах 1840 г. под № 18 разбирается «Одесский альманах на 1840 г.», где читаем следующее: «Плохи также стихи гг. Аксакова, Галанина, Лермонтова и еще кой-кого» (стр. 888). «Неужели отныне и И. И. Панаев перестанет писать свои повести и Н. Ф. Павлов не станет нанизывать повествовательного бисера на нитку отчаяния и И. И. Лажечников перестанет чертить карикатуры великих мужей русской земли в своих романах?» (стр. 889).
- «Сын отечества» — журнал, возникший в 1812 г., просуществовал до 1852 г. В 1840 г. редактором его был А. В. Никитенко.
- Лажечников — Иван Иванович (1792—1869), один из основателей русского исторического романа.
15. Вильгельм Мейстер — роман Гете, первая часть которого озаглавлена «Ученические годы Вильгельма Мейстера», вторая — «Годы странствий Вильгельма Мейстера». Далее идет речь о второй части.
16. Миньона — персонаж из романа Гете «Годы странствий Вильгельма Мейстера».
17. Юлия — героиня трагедии Шекспира «Ромео и Юлия» (или обычно «Джульетта»).
18. Фенелла Вальтера Скотта в его Певериле — персонаж из романа «Певериль Пик», тоже очень молоденькая девушка, как Миньона и Джульетта.
19. Мысли о Ломоносове — К. С. Аксаков был занят в эти годы работой над своей диссертацией «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка».
20. В I томе «Сына отечества» за 1840 г., действительно, есть две заметки: «Г-н Гоголь привез из-за границы новую большую комедию; но, кажется, ничего из исчисленного здесь мы не увидим на сцене, по крайней мере в нынешнем году» (кн. I, стр. 221). «Все сочинения г-на Гоголя будут изданы вместе с присовокуплением новой его комедии, которая не поступит на театр» (кн. IV, стр. 915).
21. В статье «Русская литература за 1838—39» Полевой называет Основьяненко «дарованием весьма замечательным» («Сын отечества», 1840, май-апрель, стр. 181).
- Квитка (Основьяненко псевдоним его) Григорий Федорович (1778—1843), украинский писатель. Он писал и на русском языке, но эти произведения очень слабы.
22. Дядя — Владимир Иванович Панаев, см. примечания 4 и 13 к письму III.
23. Во второй книжке «Отечественных записок» было помещено стихотворение К. Павловой: «Да, много было нас, младенческих подруг».
24. Драмы И. Е. Великопольского — «Сюрприз», «Владимир Влонский», «Любовь и честь» и «Янстерский».

V

1. Брат — И. С. Аксаков.
2. Диссертация — см. примечание 19 к письму IV.
3. Кунцево — подмосковное дачное место.
4. Заключительные строки стихотворения Пушкина: «Если жизнь тебя обманет».
5. «Маяк» — ежемесячный журнал, выходивший под редакцией С. А. Бурачка и П. А. Корсакова с 1840 по 1845 г.

6. Соболевский — Сергей Александрович (1803—1870) славился своими эпитафиями и каламбурами.

7. Корсаков — Петр Александрович (1790—1844), писатель.

8. Бурачек — Степан Анисимович (род. 1800), корабельный инженер и писатель. Ап. Григорьев характеризовал его как «последовательного представителя чистого застоя» (статья «Оппозиция застоя»).

9. Языков — Николай Михайлович (1803—1846), поэт.

10. Зеленый — Семен Ильич (1810—1892), адмирал и астроном.

VI

1. Петровы — Осип Афанасьевич (1807—1878), бас, и его жена, контральто, — артисты петербургской оперы, приезжавшие в Москву на великопостный сезон.

2. Тяготение С. Т. Аксакова к театру появилось уже при первом его приезде в Петербург в 1808 г., когда он познакомился и подружился со многими артистами, театральными писателями и театральными завсегдатаями. Отъезд в деревню после женитьбы прервал на время его театральные связи, но они возобновились в полной мере при переезде Аксаковых в Москву в конце 1820-х гг. и не прекращались до смерти Сергея Тимофеевича. М. С. Щепкин был одним из близких друзей Аксакова, причем дружба эта распространялась и среди всех членов обеих семей.

3. Михаил Николаевич Загоскин — с 1831 г. состоял директором московских императорских театров, был очень близок с С. Т. Аксаковым, написавшим его биографию.

4. Москвитянин — журнал, издававшийся М. П. Погодиным с 1841—1856 г.; С. П. Шевырев заведывал его литературно-критическим отделом.

5. Нельзя согласиться с Шевыревым — подразумевается статья С. П. Шевырева: «Взгляд русского на современное состояние Европы», опубликованная в «Москвитянине» за 1841 г., т. I, стр. 219. В сущности, в дальнейшем Панаев льет воду на мельницу славянофила Шевырева. Те отрицательные черты петербургской жизни, которые перечисляет Панаев, и являются, с точки зрения славянофилов, проявлением «гнилого Запада», над которым поднимается сохранившая в себе больше «народного русского духа» Москва.

Шевырев — Степан Петрович (1806—1864), историк русской словесности, критик и поэт.

6. Приехал Лермонтов... — это был последний приезд М. Ю. Лермонтова в Петербург, который ему выхлопотала в период его второй ссылки его бабка Арсеньева. Весною он снова поехал на Кавказ, откуда ему уже не суждено было вернуться. 15 июня 1841 г. он был убит на дуэли.

7. Полевой — Ксенофонт Алексеевич (1801—1867), писатель.

8. Юнгмейстер — книгопродавец в Петербурге.

9. Переводы Каролины Карловны — в «Москвитянине» за 1841 г. Были напечатаны следующие переводы К. Павловой. — «Сцены из последней неконченной трагедии Шиллера «Дмитрий Самозванец» (т. I, стр. 67) и «Последние стихи Байрона» (т. II, стр. 110).

10. Сологуб — гр. Владимир Александрович (1814—1882), писатель.

11. «Брат и сестра» — очерк Н. М. Загоскина был напечатан в I томе «Москвитянина», на стр. 421, с подзаголовком «Два характера». В нем дана параллель Москвы («сестры») и Петербурга («брата»).

12. Волково — кладбище в Петербурге, где похоронено большинство писателей, умерших в этом городе.